

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Ценник для генерала

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Ценник для генерала

«ЭКСМО»

2015

Леонов Н. И.

Ценник для генерала / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-77679-5

Отставной российский генерал Владимир Рыбников приехал в белорусский город Пинск на встречу сослуживцев и был убит неизвестными. За несколько дней до этого в Москве со счетов фонда «Ветеран», который возглавлял Рыбников, было снято 800 миллионов рублей. Деньги бесследно исчезли. В Пинск срочно выезжает следственная бригада Интерпола, но по дороге в полном составе погибает в автокатастрофе. Тогда руководство МУРа отправляет в Белоруссию своих лучших сыщиков полковников Гурова и Крячко. Следаки «путешествуют» инкогнито и разными маршрутами. Гуров прибывает в Пинск вовремя, а вот Стас Крячко до места так и не добирается – пропадает без вести...

ISBN 978-5-699-77679-5

© Леонов Н. И., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов

Ценник для генерала

© Леонова О. М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Владимир Маркович Рыбников спустился по ступеням, придерживаясь за поручни, машинально кивнул проводнице и проговорил обязательную фразу:

– Спасибо вам. До свидания!

Он смотрел и не узнавал ничего вокруг, вдыхал этот воздух с волнением юноши, пришедшего на первое в своей жизни свидание. Пинск! Белорусское Полесье! Как давно и вместе с тем совсем недавно все это было.

Тридцать лет назад, в далеком 1978 году, Володя садился здесь в поезд молодым сержантом, дембелем. Полтора года он прослужил в части, расположенной в нескольких десятках километров от города. Теперь Владимир Маркович – генерал-майор в отставке, а волнуется так, как будто его только что высадили из вагона, пришедшего с Украины, где он полгода отбарабанил в учебном центре связи в Павлограде.

Да, вокзала не узнать. Перроны как игрушечные. Над головой навес из поликарбоната, под ногами цветная тротуарная плитка. Само здание с большими буквами «ПІНСК» похоже больше не на железнодорожный вокзал, какими Рыбников привык их видеть в других городах, а на три дорогих элитных коттеджа, построенных впритык друг к другу.

В здании Рыбников задерживаться не стал, а сразу вышел на просторную и какую-то пустую привокзальную площадь.

– Рыба! – тут же раздался голос справа. – Рыба, здорово!

Рыбников обернулся и увидел двух солидных мужчин, спешащих к нему. Оба в обычных летних куртках, один в джинсах, которые на его грузном теле смотрятся не очень-то элегантно. Первый почти совсем лысый, второй с седой шевелюрой и такими же усами. Рыбникову стало несколько неуютно в своем дорогом костюме и галстук. Вдобавок он их не узнавал. Эти пятидесятилетние мужчины сильно отличались от худощавых молодых парней в выгоревших полинялых хэбэшках и кирзачах.

– Что, не узнаешь? – Лысый дядька довольно засмеялся. – Изменились мы, конечно. А ты вообще аж генералом стал!

И все! По глазам, по знакомой артикуляции он, конечно же, узнал Муху – Сашку Мухина – и Леху Богомазова – Волжанина.

– Здорово, мужики! – как тогда, тридцать лет назад, сказал Рыбников и по очереди крепко обнял бывших сослуживцев. – Да, постарели мы, деваться некуда. Чего же вы современных фотографий на «Однополчанах» не разместили? Я мог и не узнать вас теперешних.

– Узнал же. – Богомазов прошелся пальцем по седым усам. – Так что?.. Поехали?

– А какой маршрут? Вы с Лехой писали, что тут в школе музей нашей части открыли.

– Да, в прошлом году. Только мы тоже на торжество не попали.

– Может, в гостиницу сначала? – спросил Рыбников, кивая на свой чемодан. – Барахло кинуть, а потом уж по местам, так сказать, боевой славы.

– Не-не-не, Рыба, – решительно запротестовал Леха, щуря серые глаза под белесыми ресницами. – Сюрприз тебе будет, генерал. Хороший стол под яблоньками, банька и душистый самогон.

– Чего-чего? – Рыбников остановился. – Стол под яблоньками?

– Конечно. А скажи-ка, ты Олю Синицкую не забыл? Старую любовь?..

– Неудобно как-то, – пробубнил Рыбников и насупился. – Столько лет прошло. Да и расстались тогда не совсем правильно. Мы с ней немного переписывались потом. Она ждала, а я... Да и писать перестал первым. Получается, что поморочил бабе голову и дал деру.

– Ладно, не мудри лишнего. – Мухин, как и прежде, ухмыльнулся, глядя на сослуживца снизу вверх. – Что было, то прошло. Она так рада нам! Это же молодость! У Ольги дочь сейчас старше ее самой в то время. Тридцать лет прошло!

Рыбников смотрел на своих постаревших однополчан. Чтобы согласиться, ему понадобилась всего минута. Но за это время он вспомнил все: свой узел связи, курилку, клуб. По выходным они смотрели там фильмы, а потом вываливали в темноту белорусской ночи и стреляли друг у друга сигареты. Так сладко было после полутора часов фильма сделать несколько затяжек, прежде чем последует команда построиться.

А еще он почти с нежностью вспомнил ту большую сковороду, которая бережно хранилась в радиомастерской. Грибы росли в Беларуси везде и в большом количестве. Не надо было выбираться за колючую проволоку, достаточно просто походить на задах пять минут. На жареху набирали без особого труда. Потом ребята разводили костерок. Кто-то, чаще всего Муха, бежал на кухню с майонезной банкой за подсолнечным маслом, несколькими картофелинами и хлебом.

Картошка, жаренная с грибами, была удивительно вкусной. Конечно, к концу первого года службы солдаты привыкли и к армейскому рациону, и к количеству пищи. Никто от голода не страдал, но эта сковорода сближала, создавала свой маленький дружеский мирок.

К Лехе Богомазову сразу прилепилась кличка Волжанин. Он был широким в кости, светловолосым, с припухшими губами, как будто потрескавшимися от солнца. Парень всегда добродушно улыбался. Он так и виделся Рыбникову в старых штанах, закатанных до колен, в широкополой соломенной шляпе и с удочкой в руках. Откуда взялась в представлениях шляпа, Рыбников долго не понимал, пока не увидел в каком-то фильме образ рыбака с Волги.

Муха, как все звали Сашку Мухина, был его полной противоположностью. Темные волосы удивительным образом росли у него почти от самых бровей. Этот невысокий парень всегда ходил вразвалочку, пилотку или шапку носил набекрень и слыл великим насмешником. Нет, не ехидным и злым, а добродушным и веселым. Он первым начинал хлопать приятелей по плечам и спине, если они обижались на его шутки, да и сам не дул губы, когда становился мишенью для чужих приколов.

Все было: боевое дежурство, наряды по роте, воскресные соревнования по кроссу на лыжах, футбольные встречи с соседним подразделением – батареей боевого обеспечения, сокращенно ББО.

Были и девушки. Те из них, которые носили форму, с солдатами дружбы не водили. Они общались с офицерами и прапорщиками, которых солдаты в разговорах между собой часто называли «кусками». Но были и вольнонаемные девушки, жительницы соседних сел.

Оля Синицкая работала продавщицей в магазинчике во втором дивизионе. На той площадке, где размещался штаб полка и подразделения управления, своей бани не было. Поэтому солдаты с узла связи и ББО по субботам ходили через лес в баню второго дивизиона. В тамошнем магазинчике Рыбников и познакомился с Олей.

Теперь ему пришлось соглашаться. Отставному генералу было даже немного приятно, что кто-то все за него подумал, что не нужно принимать решений, можно беззаботно окунуться в воспоминания своей молодости.

Они заехали на улицу Черняховского. Там стояла школа, в которой в прошлом году был открыт музей их части.

Потом шумная компания мужиков, которые в разные годы служили в полку, на арендованной «Газели» отправилась в лес. Туда, где до 1989 года размещалась их часть.

Грунтовые дороги заросли кустарником. Сохранились только те из них, которые соединяли соседние села. Они проехали деревянный магазинчик, знакомый всем еще со времен службы и за эти годы внешне ничем не изменившийся. Потом было посещение развалин на

месте первого дивизиона. Вслед за этим «Газель» проехала через мосток, за которым Рыбников со сжавшимся сердцем увидел знакомый синий домик.

– Это потом! – заявил Муха, сидевший за спиной Рыбникова. – Сначала по местам боевой славы. Сюда уже несколько лет в день части, двадцать второго сентября, съезжаются сослуживцы.

Дорога, некогда хорошо накатанная, теперь стала узкой. Рыбников помнил ее. Она плавно изгибалась среди высоченных сосен, соединяя два дивизиона, штаб полка, ангары, где хранились боеголовки.

Богомазов вдруг пихнул его локтем в бок и показал пальцем вперед и влево. Да, именно отсюда они каждый день строем выбегали на утреннюю пробежку. Открывались ворота КПП, и топот кирзачей уносился в сторону второго дивизиона. Потом назад. Вслед за этим зарядка напротив входа в казарму.

– От КПП ничего не осталось, – сказал Рыбников, кивнув в сторону фундамента, разрушенного и поросшего травой.

– Крепись, – Мухин усмехнулся. – Тут почти ничего не осталось.

Они вышли из «Газели» и с замиранием сердца зашагали через траву туда, где виднелся холм бункера командного пункта ракетного полка. Там же сидели радисты и сам сержант Рыбников. От казарм узла связи и ББО не осталось почти ничего, только небольшие холмики среди высоких ровных сосен. В эти самые стволы они когда-то, пока не видит старшина, кидали штык-ножи. Слева две стены. Это все, что осталось от домика, в котором располагались финчасть и строевой отдел. Здания штаба тоже нет.

– Вон, гляди-ка! – заорал вдруг Муха и принялся активно махать обеими руками. – Наши! Кузьмин, Носков!

Рыбников нахмурился. В его памяти сразу всплыл этот давний инцидент. Еще одна группа бывших однополчан выбралась из пустых коридоров заброшенного бункера.

Носкова Рыбников узнал сразу. Тот, казалось, нисколько не изменился за эти тридцать лет. Высокий, смуглый, узкогубый. Прямой тонкий нос создавал впечатление, что с лица этого человека никогда не сходит неприязненное выражение. Две группы медленно сближались.

– Здорово, генерал. – Носков прищурился и протянул руку. – На потрапушки приехал? Ностальгия? – Он сказал это вроде бы и нормальным тоном, с обычной иронией, но намек был ясен.

Рыбников сдержался. Ему очень часто приходилось пропускать мимо ушей вот такие вольности, граничащие с откровенным хамством. Это постоянно происходило при встречах с теми людьми, с которыми Рыбников водил знакомство в далекой молодости, когда он еще не был генералом. Теперь многие из них пытались подчеркнуть панибратские отношения, но делали это нелепо.

– А я ведь тогда, по дембелю, хотел тебя на вокзале отловить и хороших звездюлей тебе отвесить, – продолжил Носков с той же насмешкой в глазах.

– Из-за бабы? – Рыбников вскинул брови.

– Из-за того, что ты меня застучал тогда, когда я в самоходе был.

– Ты сам все придумал и поверил в это, – спокойно ответил Рыбников. – Тебе нужно было отомстить мне за нее, вот ты и стал всем говорить, что я тебя застучал. А на хрена мне это было нужно?

– Да ладно, – Носков вдруг неприятно рассмеялся. – Не переживай. Ты же теперь генерал!

Рыбников, едва сдерживая бешенство, дождался, когда Носков отойдет подальше, потом медленно пошел по пустырю, который был когда-то плацем. Он стал вспоминать, как они здесь печатали шаг во время строевых занятий. Рыбников стоял вот тут в составе знаменного взвода, когда шла проверка. На трибуне, вон там, в сторонке, красовался заместитель командующего

армией, генерал, сын одного из наших прославленных маршалов. Характер у сына, как рассказывали офицеры, был не менее крут, чем у отца.

Какая-то девушка лет двадцати пяти усердно щелкала фотоаппаратом.

«Эта-то особа что тут делает? – подумал Рыбников. – Дочь чья-нибудь?»

Пятница, вторая половина дня. Для Москвы это однозначная пробка, тянущаяся от самого центра в сторону МКАД. Многие пытаются пораньше выбраться из столицы к своим загородным домам, дачам, коттеджам. И часов с трех основные радиальные магистрали уже запружены автомобилями.

Валентина Геннадьевна Остросельцева была женщиной крупной. Поэтому и машину себе три года назад она выбирала соответствующую. Больше всего ей понравилась представительская «Хендай Соната». Валентина Геннадьевна, еще пребывая в раздумьях, в автосалоне села в нее и сразу бесповоротно влюбилась. Ждать пришлось три месяца. Зато когда покупка наконец-то была оформлена и женщина получила свою машину, ее блаженству не было предела.

Транспорт по Щелковскому шоссе двигался медленно, рывками. Но когда до МКАДа осталась пара километров, машины наконец-то двинулись вперед с нормальной скоростью.

Валентина Геннадьевна вдавила педаль газа. Она с наслаждением чувствовала, как послушен ей мощный мотор. Женщина легким движением руля подправила машину на своей полосе.

Поток автомобилей двигался все быстрее и быстрее. Вот уже стрелка спидометра приблизилась к отметке 80. Последовал плавный поворот, и расстояние между машинами стало увеличиваться. С нарастанием скорости уменьшалась и плотность потока.

Женщина улыбнулась. Ей нравилась скорость, мощная современная машина. Она с удовольствием ощущала свою власть над автомобилем и дорогой.

Справа сбоку вдруг выскочил серый «Форд» и тут же вильнул влево, прямо перед самым бампером машины Остросельцевой. Это маневр был таким неожиданным, столкновение казалось настолько неизбежным, что женщина непроизвольно рванула руль влево. Тормозить в потоке, да еще и на такой скорости было глупостью, тем более что встречные полосы в это время суток практически пустовали.

Огромный черный капот «Бьюика» вырос перед глазами женщины как из-под земли. Остросельцева только в ужасе вытаращила глаза, а потом страшный лобовой удар бросил ее грудью и лицом на подушку безопасности, ремни врезались в тело. Беспомощная, потерявшая управление машина отскочила в сторону и тут же попала под второй страшный удар «Лендровера», не успевшего затормозить.

Попутный поток автомобилей продолжал уноситься вперед, в сторону МКАД. Водители только посматривали на искореженные машины и качали головами. Никто так и не понял, почему черная «Хендай Соната» вдруг выскочила на полосу встречного движения. Обычное дело для Москвы, когда кто-то спешит.

Зато встречные полосы движения оказались перекрыты полностью. Водители выскакивали из остановившихся машин и бежали к месту аварии. Кто-то уже вытаскивал телефон и набирал номер Службы спасения.

Пассажирка «Бьюика» помогала выбраться на асфальт водителю с окровавленным лицом. Из «Лендровера» вышли двое парней, потиравших локти и грудь. Они смотрели на остатки «Хендай Сонаты» и даже не матерились. Результаты столкновения оказались настолько красноречивыми, что осуждать кого-то было уже поздно. Через щель передней двери на асфальт упало несколько ярких капель крови. Потом они стали падать чаще, постепенно превращаясь в тонкую струйку крови.

В зал для заседаний офицеров собрали в срочном порядке. Такое в Министерстве обороны теперь стало нормальным явлением. Кончились ленивые в своей размеренности годы

управления бывшего министра. Теперь помимо постоянно действующих совещаний появились еще и срочные. Новый министр в спешном порядке ликвидировал недочеты многолетней деятельности прежнего руководства.

Офицеры дружно встали, когда в зал вошел министр. Уверенная неторопливая походка, чуть наклоненная голова, твердый взгляд. Новый министр обороны никогда не выглядел торопливым, раздраженным. Всегда ровен в обращении с подчиненными. Люди чаще видели его улыбающимся, чем хмурым, но никто не обольщался. За улыбкой, предназначенной, скажем, единственному заместителю-женщине, мог последовать жесткий прессинг в адрес какого-нибудь другого сотрудника при генеральских погонах.

С каждым днем деятельности нового министра на своем посту темп работы центрального аппарата только нарастал. Ситуация, сложившаяся в мире и в стране, требовала серьезных изменений в Вооруженных силах.

– Прошу садиться, – негромко разрешил министр мягким и чуть картавым голосом.

Без всякой паузы последовали вопросы о стадии готовности управлений и департаментов по данным поручениям, срок исполнения которых заканчивался на текущей неделе. Промежуточные проверки тоже стали нормой, и работы у контрольного управления министерства заметно прибавилось.

Дальше последовал вопрос, к которому никто не был готов. Это тоже присуще новому министру. Не проходило ни дня, чтобы он не знакомился с деятельностью того или иного направления, новыми проектами, состоянием дел в отраслях, которые проверялись или жестко контролировались еще в прошлом году. В сферу внимания министра мог попасть каждый генерал, любой департамент, какая угодно воинская часть, дислоцирующаяся на бескрайних просторах страны или за ее пределами. Даже завод, собирающий подводные лодки или аварийные комплекты для летчиков.

– Во время нескольких последних рабочих поездок я обратил внимание на убогие поселки, – заговорил министр. – Это жалкое подобие коттеджей позиционируется как качественное жилье для военных. Более того, нашлись люди, которые попытались объяснить мне, что эти хибары должны стать поощрением за долгую и безупречную службу для старших офицеров, военнослужащих, награжденных высшими орденами государства, пострадавших и получивших инвалидность за время прохождения службы. В эти ветхие домишки мы собираемся селить заслуженных офицеров? Кто мне может пояснить ситуацию?

Поднялся офицер, торопливо перебиравший на столе листы различных справок, подготовленных для неожиданных совещаний.

– В настоящее время в восточной части Европейской России, а также за Уралом и в Приморье у нас строится несколько поселков для военнослужащих, – доложил он. – Если вы спрашиваете о жилье для офицеров, выходящих в отставку, то мы планировали предоставлять его как поощрение за отличную службу. Это несколько поселков в средней полосе России, на Волге и...

– Я спросил, почему такое убожество, – строго напомнил министр. – Офицеры, которые по двадцать и тридцать лет отдали армии, не заслужили лучших условий? Что это за ободранные стеновые панели, что это за проекты? Такую архитектуру я в Туве видел тридцать лет назад, когда там строили поселки нефтяников. А сейчас какой год? Лучших проектов не нашлось? Чье финансирование там использовалось, вы мне сейчас можете пояснить?

– Если речь идет о тех поселках, о которых я говорил, то это бюджетные деньги. Естественно, проводились тендеры на строительство и закупку инженерной составляющей в виде уличных котельных, ГРП, систем водоподготовки и...

– Если вы думаете, что я могу вот так просто бросаться пустыми словами, то сильно ошибаетесь! – снова перебил его министр. – Я на местах задавал вопросы и ни о каком бюджетном строительстве ничего не услышал. Или вы не владеете информацией, или мне там откровенно

врали. Вас не виню, потому что вы к этой теме не могли быть готовы. Но прошу контрольное управление, контрольно-финансовую инспекцию разобраться в этом вопросе. Необходимо также со всей тщательностью проверить деятельность фондов различного вида, созданных при нашем министерстве. Всех, которые так или иначе привлекаются к обеспечению армии. В частности, меня интересуют... – Министр стал по памяти называть фонды, переводя тяжелый взгляд с одного своего помощника на другого.

Наверное, таким образом он хотел показать, что вопрос очень важен. При новом министре весь аппарат уже привык к тому, что второстепенных проблем не бывает, но, когда он смотрел вот так, означало, что в этом деле все будет вывернуто наизнанку, выпотрошено до крохи, до самой полной ясности. В некоторых кабинетах такой взгляд называли не иначе как «команда фас».

Конец сентября в Сочи – это особое время года. Изнуряющая жара спала, теперь в воздухе ощущалось ароматное тепло субтропиков, мягкий запах моря. Да и в поведении курортников тоже много поменялось. Исчезла суета, гости из северных широт, обгоревшие на пляжах, по вечерам не лезли в кафе через головы других людей, чтобы насладиться кавказскими винами и немецким пивом.

Теперь на набережных стало куда спокойнее. Народ степенно прогуливался, явно наслаждался погодой и природой. Бархатный сезон всегда был предназначен не для молодежи, а для людей в возрасте, степенных, не одолеваемых страстями, а вкушающих долгожданный отдых, вполне заслуженный или просто купленный за большие деньги. Ни для кого не секрет, что отдохнуть в Сочи уже давно стало заметно дороже, чем в Турции или Египте.

Ведомственный санаторий «Искра», в который Гуров получил-таки семейную путевку в сентябре, ему очень нравился. Здесь было все, включая сочетание природных факторов, влияющих на отдых. Максимум комфортабельности позволял отрешиться от внешнего мира, просто отоспаться, отлежаться в номере с книжкой или бездумно глядя в телевизор.

Санаторий расположился в довольно популярном Хостинском районе Сочи, совсем неподалеку от знаменитой Мацестинской долины. Он был окружен красивым парком. До побережья, правда, от санатория целых пять сотен метров. Но если тебе хочется гулять и дышать, ты наслаждаешься отдыхом в мягком климате, а не норовишь еще до рассвета бежать на пляж и валиться на лежак, то это как раз и очень хорошо.

Удобным было и расположение санатория неподалеку от морского вокзала. Но самое главное – целебное воздействие природных факторов. Это месторождение минеральных сероводородно-гидросульфидных вод, носящих название старомацестинских, морской воздух в сочетании с горным, благоприятный климат с субтропической влажностью. Одним словом, для Машиных нервов лучшего места и не придумать.

Лев Гуров и Мария Строева возвращались с прогулки. Они томно вздыхали и дружно закатывали глаза. Ведь наслаждаться таким вот покоем им оставалось всего два дня. Потом самолет, Москва, суета и напряженный ритм работы. У нее в театре, у него – в Главном управлении уголовного розыска. Вот и сейчас Лев Иванович пропустил супругу вперед, на территорию санатория, а сам чуть задержался, чтобы бросить взгляд на парк.

– Ладно уж, пойдем, – улыбнулась Маша. – Перед смертью не надышишься, перед концом отпуска не наотдыхаешься. Давай мы с тобой устроим сегодня вечером нечто необычное.

Они двинулись по территории санатория к своему корпусу, продолжая фантазировать.

– Романтический ужин с хорошим вином и изысканными блюдами в этих стенах не прокатит, – напомнил Лев Иванович жене. – Максимум, который здесь позволен, – это полночное бдение под луной и вздохи.

– А если мы украдкой? – Мария оглянулась по сторонам с видом заговорщицы.

– Тайная вечеря? – с сомнением спросил Гуров, а потом посмотрел вправо.

Там на лавочке сидели две темноволосые женщины с явными кавказскими чертами. С приближением Льва Ивановича и его дражайшей половины их беседа явно оживилась.

– Эх... – Мария махнула рукой, но закончить мысль не успела.

– Машенька, дорогая! – одна женщина резво вскочила с лавки. – Вот где я не ожидала тебя увидеть! Ты в отпуске? Кто этот импозантный мужчина с благородной сединой на висках? Неужели муж?

– Лианочка! – Мария раскрыла объятия и приняла в них незнакомку. – Сколько же мы с тобой не виделись? Ты все хорошеешь и хорошеешь.

Гуров, не снимая улыбки с лица, с сомнением посмотрел на женщину. Седина в жестких волосах, небольшие черные усики по уголкам верхней губы – все это никак нельзя было описать словом «хорошеешь». Однако он послушно согнул спину и галантно приложился к ручке, протянутой ему.

– Лев Иванович. – Полковник боднул воздух головой, едва удержавшись от того, чтобы не повалить дурака и не шелкнуть каблуками.

Женщина оказалась актрисой Ереванского театра музыкальной комедии. Лиана Саркисянц приехала к своей родственнице, отдыхавшей в санатории. Та сегодня уезжала домой, в Краснодар. Лиана с Марией договорились о совместном проведении вечера.

– Вот видишь, – с довольным видом заметила Маша, когда они вошли в прохладный холл своего корпуса. – Проблема решена на высшем уровне. В смысле, на небесах. Лианка удивительная женщина, к тому же экстрасенс. А как она поет!

– Она нам петь будет? – насторожился Гуров.

– Если ты попросишь, то, думаю, не откажет.

Гуров хмыкнул, но от комментариев воздержался. Он немного не так представлял себе пару последних вечеров в санатории. Хотя почему бы и не в обществе армянской актрисы? Представители этой профессии тем и хороши, что национальность у них одна – театральная. Они могут быть смуглыми, светлыми, с голубыми или черными глазами, брюнетами или блондинами, но театр налагает на них неизгладимые черты, оставляет настолько четкий след, что ты перестаешь замечать и акцент, и цвет кожи. Только страсть, непостижимая эмоциональность.

«Эх, мне так хотелось побыть вдвоем с Машей. Старее, что ли? – Лев Иванович глянул в большое зеркало, висевшее на стене лифта. – Нет, вроде не заметно. Так что же меня гнетет?» Тут они с Машей вышли из лифта и двинулись по коридору в сторону своего номера. «Еще два дня, – подумал Гуров. – Потом я вот так же пойду по коридору своего управления. Коллеги будут насмешливо здороваться, в шутку попрекать южным загаром и свежим цветом лица. Мне снова придется окунуться в текучку с трупам, хищениями, разбоями, коррупцией в подведомственных подразделениях. Наверное, это просто предчувствие. Может, меня никто не дергает лишь потому, что все знают – через два дня я сам явлюсь? Вдруг там у нас какой-то аврал? Полковник, ты, наверное, просто соскучился по своей работе».

Лиана пришла в восемь часов вечера и привела с собой молодого армянина с гитарой. Пареньку, назвавшемуся Артуром, было всего восемнадцать лет, и он оказался сыном актрисы. Гуров понял, что напряжение спадает. Получились чуть ли не семейные посиделки. Маша с Лианой пели под аккомпанемент гитары. Артур вполне профессионально выдавал сольные партии. Льву Ивановичу оставалось лишь отпускать комплименты и делать приятное выражение лица.

В принципе, вечер удался, потому что Лиана и Артур оказались людьми удобными и комфортными. Не было в них ни навязчивости, ни отстраненности из-за каких-то условностей.

Гуров думал о том, как красива бывает любая женщина, когда ей комфортно. А вот он этого не ощущал. Какой-то непоседливый червячок все чаще и чаще заставлял его думать о работе.

«Наверное, такая у меня натура. Не могу долго отдыхать, оставаться без своего дела», – подумал полковник.

Глава 2

Потом, когда их спрашивали, они уже не могли вспомнить, кто именно первым увидел окровавленное тело. Кто-то закричал, причем очень громко. Нет, не женщина, голос был мужской. А потом все кинулись к дверному проему, который вел в бункер бывшего командного пункта ракетного полка, теперь совершенно заброшенный.

Мухин и Богомазов протиснулись в первые ряды и с ужасом увидели на бетонном полу тело своего однополчанина Рыбникова. Это было нелепо, страшно и непонятно. Они стояли и тупо смотрели. Еще вчера вечером он был жив, смеялся, пил вместе с ними, охотно смотрел на компьютере фотографии молодых лет, вспоминал истории из их совместной службы, и вот!..

Отставной генерал лежал на боку, откинув голову назад. На лице застыла странная гримаса. Рот чуть приоткрыт, глаза тоже. Мужиков бросило в дрожь. Потому что смотрел на них не старый друг и сослуживец, а мертвец. Только оболочка, пустая и безжизненная.

Одна рука нелепо подогнута и прижата телом, вторая на отлете. У друзей возникло впечатление, как будто Рыбников перед смертью замахивался на кого-то. Ноги согнуты в коленях и раздвинуты, как будто он бежал, лежа на боку. В таких позах замирают люди, упавшие с большой высоты.

Пыль, мусор, затхлый сырой воздух и потемневшая лужа крови. Удар был нанесен точно в сердце. Вон и прокол от лезвия ножа на левой стороне груди. Он горизонтальный. Удар был нанесен с таким расчетом, чтобы лезвие прошло между ребер.

– Как же это? – тихо, почти шепотом, спросил Богомазов. – Он ведь... Черт, это ведь не сейчас случилось.

Хмурый Мухин схватил друга за рукав и потащил по коридору вон из бункера. Богомазов посмотрел ему в лицо и понял, что сейчас лучше помолчать. Теперь не стоит вслух говорить о том, что эти три дня они провели вместе, жили в доме Ольги Синицкой в Оброво. Вчера вечером Рыбников вдруг куда-то пропал прямо из-за стола. Исчезла и Ольга. А потом женщина вернулась, а Рыбников, кажется, нет. О нем никто так и не вспомнил. Они вчера почему-то основательно набрались, хотя пили ничуть не больше, чем обычно.

Никто не стал уезжать. Все курили и тихо переговаривались, глядя под ноги. Раньше тут был строевой плац. И вот опять, спустя столько лет, столпились на нем солдаты, когда-то служившие в этой части. Мертвое место, расформированная войсковая часть. Труп одного из ее солдат спустя тридцать лет. В Пинске, как памятник, стоит в музее знамя полка, а тут горбится заброшенный бункер, похожий на могилу, поросшую травой. В этом бетонном склепе лежит не фигуральный, а вполне натуральный труп. Бывший сержант, потом генерал-майор.

Оперативно-следственная группа приехала почти через час.

Кинолог с собакой сунулся в бункер, сразу же вышел, разочарованно махнул рукой и сказал следователю:

– Там тридцать человек только что потоптались. Какой уж тут след!..

Невысокий капитан юстиции в сером кителе, с покатыми плечами и сильной шеей, кивнул и приказал кинологу:

– Пройдись тут вокруг. Может, он орудие убийства выкинул или обронил что-то. Всякое бывает, надо проверить.

Кинолог молча повернулся и пошел за бункер, в самом вероятном направлении, по которому должен был скрыться преступник. В теории, конечно. А на практике, зная, что сюда, как сегодня, наведываются десятки ветеранов, не стоило себя и утруждать. Приехал, остановил машину у того места, где когда-то был КПП части, убил, спокойно вернулся и был таков.

Пока следователь и эксперты работали в бункере, старший лейтенант и прапорщик переписывали всех присутствующих. Тех, у кого при себе были документы, отпускали сразу. Трех,

которые оказались без паспортов, посадили в свою машину до выяснения личности. Благо эти мужики были местными, пинскими.

Следователь вернулся к себе в кабинет. Какое-то время он разглядывал пенсионное удостоверение убитого человека, потом решительно отложил его и взял трубку проводного служебного телефона:

– Сергей Александрович? Это Чуриков. Я на планерке не был, у меня поздний вызов по району. Разрешите прийти и доложить? Хорошо, сейчас буду.

Следователь поднялся, одернул китель и взял со стола папку с материалами по делу о трупе, обнаруженном в лесу. Пенсионное удостоверение он сунул в карман. Следователь прошел по коридору до самого конца, открыл дверь и шагнул в большой кабинет, обставленный совершенно стандартно. Неизменный портрет Лукашенко красовался над креслом начальника.

– Разрешите? – спросил Чуриков, вежливо задержавшись у двери.

– Заходите, Олег Николаевич, – оторвавшись от бумаг, разрешил подполковник юстиции. – Что там у вас?

Следователь уселся и начал докладывать:

– В лесу, в тридцати километрах от Пинска, в районе деревень Оборowo и Якша, обнаружено тело мужчины со следами ножевого ранения в область сердца. В том месте, где произошло убийство, некогда располагалась советская воинская часть. В прошлом году в одной из городских школ был создан музей этого полка. Теперь туда приезжают ветераны. Особенно двадцать второго сентября, когда отмечается день части.

– Что, перепились и передрались ветераны?

– Пока я могу сказать лишь, что убийство произошло примерно восемь-двенадцать часов назад. Проблема в другом, Сергей Александрович. – Чуриков сунул руку в карман, вытащил пенсионное удостоверение, протянул его начальнику, вздохнул и прокомментировал: – Убитый был генералом в отставке. Из России.

– Генералом? – Подполковник раскрыл удостоверение и некоторое время молча изучал его. – Да, неприятное дело. Если это убийство было совершено под влиянием алкоголя, стало результатом какой-то пьяной ссоры, то мы все равно обязаны сообщить коллегам в Москву. Это ведь не рядовой гражданин.

– Да, придется сообщать. Вы поручите это кому-нибудь или хотите, чтобы я набросал текст сообщения?

– Знаете что, Олег Николаевич... – Подполковник замолчал, откинулся на спинку кресла и взглянул на следователя: – Давайте-ка вы сами. Отправляйтесь поспать, а в шесть, точнее в шесть тридцать, прошу ко мне с материалами и текстом сообщения, которое уйдет в МВД России. Экспертов я сам потороплю с предварительными выводами, чтобы к вечеру у них произошло что-нибудь членораздельное. Вы там первым все видели, говорили с ветеранами, зафиксировали положение тела, общую обстановку, оценили местность. У вас сложилось личное впечатление. Это важно, такое не объяснишь и не передашь. Так что это дело я оставляю за вами.

– Сергей Александрович, – Чуриков нахмурился, – дело не рядовое. Там нагрузка будет еще та, а у меня...

– Да-да, хорошо. Вечером и это обсудим. Дела, далекие от финала, передадим другим сотрудникам. С тем, что пора завершать, тоже разберемся. Посмотрим со сроками. В крайнем случае попробуем истребовать официальной отсрочки. Сейчас судебные органы будут этому только рады. У них и так много всего накопилось. Одним словом, проблему решим.

Встречать журналистов из России был отправлен начальник районного уголовного розыска майор Лиманов. Заодно он должен был ответить на некоторые вопросы представителей СМИ. Правда, информацией ему приказано было делиться дозированно.

Микроавтобус «Форд», взятый в аренду ради такого случая, ждал на парковке минского аэропорта. Водитель, молодой парень по имени Тарас, дремал, изредка приоткрывая один глаз и поглядывая на часы. Сегодня начальство обещало отпустить его домой пораньше. Триста километров по хорошей дороге от Минска до Пинска, если не нарушать правила, можно проехать за четыре часа. Максимум за четыре с половиной. Как ни крути, а к четырем можно освободиться.

Причина спешки у парня была довольно простая. Он собирался привести домой и познакомиться с родителями свою девушку. Вроде как смотрины. Прежде они видели ее только на фотографиях. А сегодня речь пойдет о свадьбе – когда да как.

Олеська – так звали невесту – была сиротой. Тарасу даже нравилось вести себя как зрелому мужику, опекать ее, заботиться. Всю свадьбу придется взять на себя, потому что родителей со стороны невесты нет. Тарас знал, что ему это вполне по силам. Зарабатывал он хорошо и втайне ото всех уже два года копил деньги именно на свадьбу.

Двери аэровокзала распахнулись. Тарас увидел своего майора в расстегнутом кителе и трех крепких молодых мужчин с большими дорожными сумками в руках. Крепкие ребята, ростом не ниже майора, а ведь и тот совсем не маленький. Что-то не очень-то они похожи на журналистов.

Майор Лиманов на ходу отвечал на вопросы нетерпеливых гостей. Он рассказал, из-за чего весь сыр-бор. Убили то ли по пьянке, то ли еще из-за чего приезжего из Москвы. А он оказался генералом в отставке. Вот и засуетились все и в Минске, и в Пинске, и в Москве. Вопрос, получается, международный.

Тарас нажал кнопку на панели. Откатилась боковая дверь. Московские гости полезли в салон, коротко здороваясь с водителем.

Последним туда запрыгнул Лиманов и распорядился:

– Теперь гони, Тарас. А то люди голодные, а кормить их в аэропортовой столовке не хочется.

Тарас засмеялся, хотел было спросить, а что же начальство не выделило денег на ресторан, но решил, что шутить неприлично. Все-таки произошло убийство, ребята не на пикник приехали. Да и зачем говорить, раз все так удачно складывается?! Захоти сейчас майор заскочить куда-нибудь по пути в кафе, и потеряют они как минимум час. А это в планы Тараса не входило.

Он лихо вырулил со стоянки, объехал круглую чашу фонтана. Сегодня на трассе машин было почему-то мало. «Форд» уже час шел со скоростью девяносто километров.

Тихо журчала музыка. Тарас слышал, как переговаривались пассажиры в салоне. Солнце весело светило, пригревая левый локоть Тараса.

Лиманов рассказывал журналистам подробности. Как они нашли тело и выяснили, что бывшие однопольчане встречаются каждый год, хотя и части-то уже нет. Расформировали ее очень давно.

Тарасу было смешно. Он тоже служил в армии, вот уже пять лет как демобилизовался, а особых чувств к своей бывшей части почему-то не испытывал, как и желания навестить отцов-командиров – тоже.

Да, есть она, эта самая часть. Служил он там водителем. За все это время его машина с передвижной радиоантенной выезжала на развертывание всего два раза. Тарас в основном тер и красил машину, поддерживал давление в шинах, иногда заводил движок и проверял регулировку карбюратора. Ах да! Еще он три раза носил аккумулятор на перезарядку.

Странные люди встречаются на свете! Надо же, они скучают по армии, в которой служили аж тридцать лет назад!

Машина миновала Столбцы, потом проскочила развязку на Новогрудок и Несвиж. Осталось проехать Барановичи, Ивацевичи, а там уже почти дома. «Форд» преодолел подъем и

нырнул в тенистую низину. Высокие ветвистые деревья обступили дорогу с двух сторон, чуть ли не соединяясь ветвями. Из трубы, проложенной под трассой, стекал веселый ручеек.

Тарас пребывал в приподнятом настроении, и все вокруг его радовало. Солнце, зелень деревьев и этот самый ручеек. Весной тут, наверное, шпарит сильный поток талых вод, справа из-за этого образуется настоящее озеро.

Дорога опять пошла вверх. Перед подъемом опытные водители всегда набирают скорость, чтобы не пришлось потом переключаться на низкую передачу. И потеря времени, и лишний расход бензина. Тарас вдавил педаль в пол, стрелка спидометра перевалила за сотню. Нормально, к концу подъема она как раз упадет до нужных девяноста.

Тарас бросил взгляд вправо. В этот же миг он боковым зрением увидел впереди что-то очень большое и яркое.

Оранжевый сорокатынник «Шекман» вылетел из-за пригорка. Тарас успел подумать, что водитель напрасно гонит эту китайскую дуру с такой скоростью. У нее тормозной путь ого-го какой. Вдобавок этот самосвал славится не совсем надежными тормозами. Тем более если он груженный под самую завязку.

Самосвал быстро приближался, а потом вдруг резко свернул на встречную полосу. Тарас судорожно вцепился в руль мгновенно вспотевшими ладонями. До огромного капота «Шекмана» было всего три или четыре метра. Парень понял, что он все равно не успеет ничего сделать. Нет смысла тормозить, когда на тебя сверху несется такая масса. Сворачивать поздно, да, собственно, и некуда.

Кажется, в салоне кто-то успел понять всю жуткую суть происходящего и крикнуть:

– Эх, твою ж мать!

Страшный удар буквально расплющил переднюю часть микроавтобуса. Огромный самосвал как пушинку смахнул «Форд» в кювет, со страшным скрежетом подмял под себя, перевалил через него передними колесами и осел на месте. Отчаянно парил раздавленный радиатор микроавтобуса, по траве расплывалось горячее пятно моторного масла. Узнать марку раздавленной машины можно было лишь по задним фонарям и форме двери.

Несколько машин, спускавшихся в низину с обеих сторон, прижались к обочинам. Народ кинулся к месту аварии. Водительская дверца самосвала была открыта, кабина оказалась пустой. Никто не сомневался в том, что в микроавтобусе все погибли.

Кто-то принялся набирать на мобильнике номер экстренных служб, другие принялись обсуждать причины аварии. Отказ тормозов, гидравлики рулевого управления, прокол колеса, задремавший водитель, который теперь от страха убежал в лес. Эх, бедолага, вот ведь угораздило! Натворил делов!

Черный «БМВ» плавно подкатил к ажурным воротам, ведущим на территорию элитного жилого дома, стоявшего на Балаклавском проспекте. Ворота почти сразу стали открываться. Из остекленной будки вышел мужчина в черной униформе и приветствовал машину вежливым кивком.

Фонд «Ветеран», расположенный на цокольном этаже жилого дома, занимался многими вопросами, но все они так или иначе были связаны с Министерством обороны. Это строительство жилья, помощь ветеранам и инвалидам, получившим увечья во время выполнения воинского долга, материальная поддержка заслуженных офицеров, уходящих в запас.

Фонд создавался еще при непосредственной поддержке бывшего министра. Его возглавляли отставные военные, в попечительский совет входили заслуженные ветераны армии. Среди них не было ни единого человека, который прежде носил звание ниже генерал-майора.

Человек, вышедший из черного «БМВ», был невысок. При заметной полноте фигуры в других условиях и в ином месте он выглядел бы несколько комично. Обширная лысина тоже несколько не украшала этого субъекта. Но звание генерал-лейтенанта, пусть и отставного, плюс

положение президента фонда обязывали окружающих видеть в нем только солидность и власть. Отсюда, наверное, и спесивое выражение на одутловатом лице.

Но, возможно, это были последствия комплекса неполноценности, сложившегося еще в детстве и связанного с маленьким ростом. Потому-то и пошел человек в армию, и лез, наверное, вверх по служебной лестнице, невзирая, так сказать, ни на что. Лишь бы доказать, что и он человек, что зря над ним насмехались одноклассники и однокурсники.

В приемной, уставленной цветами в напольных вазах, секретарша подскочила как на пружине при виде вошедшего начальника. Из-за невысокой стойки, ограждавшей ее стол, по помещению разносился запах жидкости для снятия лака с ногтей. Миловидная девушка покраснела и преданно посмотрела шефу в глаза. Неожиданные приходы босса всегда чреваты вот такими последствиями. Руководитель любой конторы частенько застаёт подчиненных за занятиями, далекими от выполнения их профессиональных обязанностей. А сегодня президента фонда в офисе не ждали.

– Ой, здравствуйте! – выпалила секретарша. – Сергей Сергеевич, вы уже приехали? Никак вам не дадут отдохнуть!..

– Хватит болтать, – оборвал президент девушку. – Кофе принеси и никого не пускай. Приедут Крикунов с Шиловым, скажешь им, что я здесь.

Девушка облегченно кивнула, потому что запас слов у нее иссяк, а свежий маникюр на ногтях уже начинал подсыхать. Сергей Сергеевич Ломакин всегда был грубоват. Многие обижались и даже увольнялись. Но если стерпеть, не обращать внимания на эту его черту и работать так, как требуется, то с ним вполне можно было ладить. Главное, не нарываться на неприятности.

Да и платил он людям честно, не выискивал всякие мелкие нарушения, лишь бы снять премиальные. Чтобы Ломакин кого-то лишил премии, это надо было постараться!

Секретарша дважды успела принести шефу кофе, прежде чем в приемную вошли два члена попечительского совета. Альберт Владимирович Крикунов, высокий, немного сутуловатый, с крупными ступнями и кистями, как всегда, приветливо улыбнулся девушке и мельком глянул на дорогие часы, блеснувшие под обрезом рукава идеально выглаженной, не самой дешевой рубашки. Этот человек был изыскан во всем, как в одежде, так и в манерах. Многие вздыхали: вот бы, мол, нам такого шефа, а не хамоватого Ломакина с его казарменным юмором.

Вторым вошел Игорь Андреевич Шилов. Костюм на нем сидел небрежно, узел галстука был чуть распушен. Из-под расстегнутого пиджака откровенно выпирал изрядный пивной животик. Шилов холодно кивнул секретарше, потом привычным движением почесал шрам, пересекавший висок и чуть стягивающий угол правого глаза.

За глаза Шилова в фонде звали Пиратом, а Крикунова – Магистром. Альберт Владимирович и правда был магистром экономики. Он закончил какой-то экономический вуз уже после выхода в отставку. Шилов и Крикунов когда-то были военными.

Собственно, как и Ломакин, который встал из-за стола и протянул руку визитерам. Мужчины молча обменялись рукопожатиями, а потом расселись на мягком диване и креслах, стоявших в углу, под вытяжным вентилятором. Шилов тут же полез за сигаретами. Крикунов покосился на него и невольно поморщился.

Интерьер кабинета президента фонда изобилует фотографиями, схемами, макетами зданий и благоустроенных территорий. Боковая стена была сплошь увешана рамками с благодарственными письмами, различными дипломами и тому подобной мишурой, которую выставляют напоказ в любом офисе. За спиной хозяина кабинета красовалась его фотография, сделанная на стадионе. Он был в спортивном костюме, рядом с ним стоял теперешний министр обороны.

– Когда и при каких обстоятельствах тебе сообщили о трагедии? – закулив и с придыханием выпустив струю дыма, спросил Шилов.

Крикунов ждал, глядя на Ломакина, не выражая нетерпения.

Сергей Сергеевич пошевелил бровями, скрипнул зубами, потом ответил:

– Сообщили сегодня утром. А какие, собственно, обстоятельства тебя интересуют? Позвонил человек из МВД, попросил известить его жену. Только где ее теперь искать, да и какая она ему жена?! Восемь лет как расстались. У каждого своя жизнь.

– Да-а, жизнь, – зло процедил сквозь зубы Шилов. – Нет у него теперь этой жизни.

– А подробности какие-нибудь этот человек из МВД рассказал? – поинтересовался Крикунов. – Как Рыбников погиб, из-за чего? Ты по телефону сказал вроде, что его убили. Это точно установлено?

– Пока информации мало, – проворчал Ломакин. – Да, сказали, что нашли тело с ножевым ранением в грудь, будут расследовать. В Москву сообщили, потому как он российский подданный и генерал. И какого хрена он вообще туда поехал?! Что за сентиментальщина!

– А зачем он поехал? – тем же ровным голосом поинтересовался Крикунов.

– Встреча однополчан. Чушь, одним словом! Срочную он служил в Белоруссии еще в советские времена. И вот вздумалось старым дуракам там собраться. Велик праздник! Делать им нечего.

– Как же ты ему разрешил, если сам в отпуске? Он твой первый заместитель, в твое отсутствие исполняет обязанности руководителя.

– Да никаких проблем и не было бы, – зло проговорил Ломакин. – Он уехал на четыре дня, я вернулся бы через три. Что тут?..

– Что тут случилось бы, ты хотел сказать? – процедил сквозь зубы Шилов, разглядывая кончик горящей сигареты. – Могло, например, со счетов списаться энное количество денег. Сколько точно ушло, ты посчитал?

– Восемьсот тридцать пять миллионов.

– Недурно, – Крикунов покачал головой. – Это почти тридцать миллионов долларов. Вся сумма ушла с одного счета?

– Нет, с четырех. Но львиная доля, конечно же, с основного.

– А вы чего такие спокойные? – вдруг взорвался Шилов и даже вскочил на ноги. – «Недурно»!.. Вы охренели совсем? У нас тридцать зеленых лимонов украли! Вы понимаете, что произошло?

– Сядь, не дергайся, – огрызнулся Ломакин. – Нервный какой нашелся! У меня тоже нервы, только криками здесь не поможешь.

Сергей Сергеевич дотянулся до внутреннего телефона и поднял трубку.

– Света, Остросельцеву ко мне, – коротко приказал он. – С документами по последним перечислениям.

– Я предлагаю пока не привлекать полицию. Посмотрим, по каким счетам ушли деньги, – невозмутимо произнес Крикунов. – Если по легальным договорам, то разбираться будем сами. В конечном итоге это всего лишь заминка на пару недель.

Невысокая женщина средних лет с папкой в руке вошла в кабинет и напряженно посмотрела на шефа, потом на других мужчин. Она прекрасно знала состав попечительского совета, понимала, что внезапный вызов к президенту фонда, только что вернувшемуся из отпуска, да еще с такими документами, ничего хорошего означать не может. К тому же вызывали главного бухгалтера, а пришла она, ее заместитель.

– Вы просили документы, Сергей Сергеевич, – тихо сказала женщина.

– Где Остросельцева? – хмуро буркнул Ломакин. – Опять по магазинам бегают?

– Я не знаю, Сергей Сергеевич. Валентина Геннадьевна уже дня два недоступна. Она хотела денек отлежаться, просквозило ее. Телефон отключила, чтобы не дергали по пустякам. А вот уже второй день!.. Я думала...

– Ни хрена себе – пустяки! – рыкнул Шилов и снова принялся мерить кабинет шагами.

Ломакин протянул руку, взял папку и открыл ее. Женщина подошла и встала рядом, готовясь давать пояснения. Сергей Сергеевич просматривал платежки, копии счетов с резолюциями «к оплате», подколотые к ним.

– Вот это! – Ломакин ткнул пальцем в бумагу. – Кто распорядился перечислять?

– Рыбников, – прошептала одними губами побледневшая женщина. – А он не имел права? Владимир Маркович сказал, что разговаривал с вами. Мол, это ваш приказ, потому что сроки по договорам поджимают. И Валентина Геннадьевна подтвердила...

– Ладно, хватит! – оборвал Ломакин заместителя главного бухгалтера. – Здесь все платежи за этот год?

– Да, я копии подкалываю. Валентина Геннадьевна распорядилась на случай, если понадобится.

– Ладно, иди, – заявил Ломакин и поморщился: – Найдите Остросельцеву, в конце концов! Что за капризы? Телефоны она отключает, барыня!

Женщина с явным облегчением выскочила из кабинета. Ломакин некоторое время просматривал бумаги, листал их, иногда возвращался к каким-то. Шилов и Крикунов терпеливо ждали.

Наконец президент ругнулся сквозь зубы, швырнул раскрытую папку на приставной столик и заявил:

– Вот она, разгадка! В последнем счете другие реквизиты. Восемьдесят тысяч разошлись по трем настоящим счетам, а самая большая сумма ушла не туда. Только название фирмы сходится, а банк, реквизиты – все другое. Контора с московским юридическим адресом. Хотя черта с два теперь ее найдешь.

– Кто-то подделал счет? – осторожно спросил Крикунов.

– Угадай с трех раз, – прошипел Ломакин. – Кто счет подделал, поставил на нем резолюцию, официально оставшись вместо меня и имея право распоряжаться финансами? Кто обманул главбуха, сказал, что я распорядился срочно перечислить эти деньги?

– Рыбников, значит, – зло процедил сквозь зубы Шилов. – Хорош! Пригрели на груди, всех кинул, сука! Это еще надо разобраться, убили ли его в Беларуси или же там погиб другой человек, по странному стечению обстоятельств очень похожий на Рыбникова. Не исключаю, что наш дорогой Владимир Маркович сейчас уже летит через океан с новыми документами и тридцатью миллионами долларов.

– А в Беларусь деньги перечислялись? – спросил вдруг Крикунов.

Ломакин нервно дернул папку на себя и просмотрел платежки.

Потом он покусал губы, кивнул и сказал:

– Да, есть одна и туда. Но это проверенный канал. Мы часто привлекаем эту фирму к поставкам и обналичке валюты.

– Значит, была необходимость делать туда платеж? – настаивал Крикунов.

– В этот раз? Я не планировал. Нет, – Ломакин покачал головой. – Это была инициатива Рыбникова. Чтоб он два раза там подход!

– Все понятно! – Шилов рубанул воздух рукой. – Давайте так. Ты, Сергей Сергеевич, переверни всю Москву, но обязательно зацепись за липовый счет этой подставной фирмы. Подключи всех, кого только можешь, а связей у тебя хватает. Главное – не дать вывести деньги за границу. Они не будут перечислять на иностранный счет такую сумму, иначе засветятся мгновенно. Центробанк их блокирует. Дня два-три, может, четыре, у нас в запасе есть, пока они будут эти деньги разбрасывать по другим счетам, совершенно легальным! А мы с Альбертом займемся биографией твоего Рыбникова, его связями. В Беларуси искать концы поздно. Он, скорее всего, туда и не выезжал. По его билету кто-то прокатился, чтобы след оставить. Не дурак же он, в самом деле! Раз такое провернул, значит, голова варит. Или люди за ним стоят, которые тупостью не страдают.

Дверь вдруг распахнулась с такой силой, что мужчины невольно вздрогнули и резко повернулись. В дверном проеме стояли бледная секретарша Светлана и заместитель главного бухгалтера с заплаканными красными глазами. Ее губы тряслись, пальцы теребили, чуть ли не рвали носовой платок. Собеседники невольно замолчали и уставились на женщин.

– Сергей Сергеевич, беда... – сдавленным голосом произнесла бухгалтерша. – Остро-сельцева в больнице скончалась. Это произошло два дня назад. Полиция не могла сразу установить место ее работы. А теперь вот мне сообщили.

– Что? – прорычал Шилов и бешено выкатил глаза.

Крикунов вскочил на ноги, положил руку на локоть коллеги, чтобы усмирить его эмоции, и напряженным голосом спросил:

– Что произошло, какова причина смерти? Почему она в больницу попала?

– ДТП, говорят. На машине разбилась. Она в коме двое суток была, так и не пришла в себя.

– Так! – Крикунов повернулся к мужчинам: – Я займусь этим, есть у меня в соответствующих местах свои люди. Как только будет достоверная, подтвержденная информация, я сразу вам сообщу. А вы тут... в общем, действуйте по вашему плану.

Крикунов взял женщину за локоть и вывел из кабинета в приемную. Было слышно, как он выяснял номер больницы, спрашивал, к какому округу она относится.

– Круто получилось, да? – прохрипел Шилов, рухнув в кресло, которое жалобно закрипело. – Внезапно расстались с жизнью те самые люди, от которых зависело перечисление денег. Нет ни исполнителей, ни свидетелей. Неплохо, товарищи генералы! Нас капитально кинули на бабки. И какая сука это учинила?

– А ты подумай, Игорь Андреевич, – тихо подсказал Ломакин и посмотрел Шилову в глаза. – Мозгами пораскинь. Кто еще вхож в наш круг, знает наши планы, схемы деятельности.

– Знал, – поправил было Шилов, но потом поймал взгляд Ломакина и приподнял брови. – Так ты намекаешь на... Дескать, он сейчас поехал замечать следы? Ну, Сергей Сергеевич! Не лишку ли ты хватил? Скорее всего, на тебя подумать можно, если кого-то из нас подозревать.

– А я вот он, – спокойно возразил Ломакин. – Тут сижу и голову ломаю. С тобой откровенно беседую. А он умчался. Две смерти, и обе важны в этом деле. Каждая может оставить улику, дать подсказку. Так кто у нас первым кинулся все выяснять?

В кабинете Орлова было накурено, и у Гурова сразу разболелась голова. Он смотрел на красного от злости генерала и мысленно жалел старого друга. Вот он сам, полковник Гуров, может реагировать на это событие так, как ему угодно, а Петр не имеет права даже на это. Он просто обязан вести себя так, как положено по его генеральской должности. Просто наступает в твоей карьере такой момент, когда кресло, в котором ты сидишь, заставляет тебя все время делать нужное лицо. Черт бы побрал эту чиновную дипломатию!

– Это не типичная уголовщина, – упрямо заявил Гуров в который уже раз. – Дело находится в ведении государственной безопасности, это очень высокий уровень, потому что генералы, даже вышедшие в отставку, не есть обычные граждане. Тут явное соотнесение с его должностью, извините, с профессиональной деятельностью. А это уже уровень предупреждения подрыва боеспособности государства. Да что я тебе, Петр, говорю, когда ты и сам все это понимаешь!

– А ты разумеешь, что мы тоже люди в погонах и обязаны выполнять приказы! – почти прокричал Орлов. – Сидит тут и рассуждает! Ах, я считаю так, полагаю эдак! А я вот не имею права считать ни так, ни эдак. Мне приходится думать так, как положено по моей должности, и так, как предписывает мне долг руководителя Главного управления уголовного розыска. А он мне подсказывает, что с начальством не спорят. Это раз. Надо учесть еще и то обстоятельство,

что погибли три офицера полиции, которые отправились в Беларусь под видом журналистов, чтобы наблюдать за ходом розыскных и следственных мероприятий. Наш святой долг...

– Может, вы кончите орать, господа хорошие? – Крячко болезненно поморщился. – Стареете, что ли?

– Действительно. – Гуров понял, что тоже начал говорить на повышенных тонах, и смутился. – И вообще, Петр, ты совсем меня не понял, а начинаешь шуметь. Я хотел сказать, что как раз исходя из того, что погибли наши товарищи, мы должны всеми силами взяться за это дело. А кому-то на самом верху показалось, что это мелочь, которой должен заниматься уголовный розыск. А ведь это не простая уголовщина, Петр. Я тебе это уже в пятый раз пытаюсь толковать.

– Ты хочешь, чтобы наш генерал пошел к министру и заявил точно так же? – спокойно поинтересовался Крячко. – Ты видишь в этом глубокий смысл?

– Извините, ребята. – Гуров вздохнул, поднялся из кресла и подошел к окну, по пути положив руку на плечо Орлова. – Да, тут ничего не сделаешь. Я не должен был этого требовать от Петра. Считайте, что я просто негативно высказался насчет сложившейся ситуации. Мне просто до боли обидно, что ребята погибли.

– Ладно, проехали, – вытирая высокий лоб носовым платком, проворчал Орлов. – Я тоже хорош! Разошелся, как институтка. Тоже мне генерал. У нас один Станислав с железными нервами.

– Отдых расслабляет тело, – тут же вставил Крячко. – Он истончает нервную систему, снимает иммунитет перед стрессовыми ситуациями. Я вот не отдыхал, поэтому нахожусь в прекрасной форме.

– Черный завистник! – с улыбкой прокомментировал Гуров.

– А может, это я только что вернулся из отпуска? – Орлов вскинул брови. – Это я на югах пузо грел да на полуголых девок пялился?

– Два черных завистника! – прокомментировал Гуров. – Так нам ехать? Что скажешь, Петр?

– Не хочется мне вас отпускать, ребята, но я понимаю, что там только с вашим опытом и можно справиться. Фактически чужая страна, хотя и русскоязычная. Верить, как, впрочем, всегда и везде, нельзя будет никому и ничему, ни людям, ни документам. Любой акт экспертизы надо перепроверять, вербовать агентуру в срочном порядке. Все будут знать, что вы приехали в Беларусь из Москвы по делу об убийстве российского генерала. Вы координируете розыск преступников, ищите факты, которые приведут вас к убийцам. Вы обязаны помнить, что все это знают и что только-только погибли ваши предшественники, которые приехали в Минск по этому же поводу.

– А объясни нам, Петр, вот такую вещь, – попросил Крячко. – Сначала наше Национальное центральное бюро Интерпола посылает людей в Беларусь. Они там погибают. Теперь оказывается, что туда должны ехать оперативники из уголовного розыска. Чем это можно мотивировать? Большие начальники, которые принимали это решение, о легенде-то позаботились?

– Вообще-то об этом подумали первым делом, – ответил Орлов. – Расследуется дело о смерти российского гражданина в лесу под Пинском. Основная версия такова: гибель по неосторожности в результате ссоры в состоянии алкогольного опьянения. Никакой политики, экстремизма, национальной розни и организованной преступности. Сотрудники Интерпола и офицер Следственного комитета погибли в результате ДТП. Эта версия также активно продвигается. По крайней мере на данном этапе. И не надо рассказывать мне про ведомственную честь. Рыбников был армейским генералом, пусть и отставным. Так что, армия теперь туда ринуться должна с разборками? Танки вводить?

– Ладно-ладно! – Гуров махнул рукой. – Мы свое дело сделаем, правда, Стас? Не в первый раз нам затыкать дыры в чужих кафтанах. Только у меня есть одно предложение.

– Ну?

– Пусть официально едет один Крячко. Полковник из Главного управления уголовного розыска – персона солидная. Будет крутиться там, путаться у всех под ногами, держать руку на пульсе, участвовать в межведомственных фуршетах, без мыла лезть во все дыры и требовать ознакомления со всеми документами. Главное – вызвать побольше внимания и неприязни к себе.

– Лишние взгляды от тебя отвлекать? – ухватился за мысль Орлов. – Дело сошло с высокого уровня до простого уголовного преступления. Да, убит человек, но вовсе не потому, что он когда-то был генералом Российской армии. Подвыпил в дурной компании, слово за слово, вот и трагический результат. А группа офицеров просто попала в ДТП. Кстати, погиб и начальник уголовного розыска местного УВД. Москва покумекала и ограничилась отправкой простого наблюдателя с неопределенными полномочиями.

– Вот-вот, – согласился Гуров. – Доказывать-то особенно нечего, все же и так примерно ясно. А полковник из Москвы для проформы торчит. Его послали, он поехал. С него требуют, вот он и нудит. Вяло, сонно и не опасно. Поняли?

– А ты все-таки уверен, что там все произошло иначе? – спросил Крячко.

– А я не знаю, Стас! – проговорил Гуров. – Я пока ничего не понимаю, но уже ясно вижу целый ряд нестыковок. Российский генерал пьет и дерется с бывшими сослуживцами. Это высокий чин, Стас! Ты и сам прекрасно знаешь, что генералами люди становятся не так уж часто. Это официальное мероприятие, он там все время на виду, почетный гость. Таких в пьяных драках не убивают. Теперь второе. Прибывает группа из Российского бюро Интерпола, что само по себе уже звучит громко. Это международный статус расследования, хотя еще не доказано, что преступление имеет такую же значимость. Они прибывают на всякий случай, но все равно это важные персоны. А за ними присылают не ведомственный транспорт с мигалками и верещалками, а арендованный микроавтобус с левым водителем.

– Встречать их отправили простого начальника уголовного розыска местного УВД в чине майора, – добавил Крячко. – Хотя статус гостей требовал как минимум представителя МВД России в Беларуси. Или высокопоставленного сотрудника местного бюро Интерпола. Так сказать, по ведомственной принадлежности.

– Вот именно! Вроде бы сущие мелочи. Каждая из них сама по себе ничего особенного не значит. Любой можно найти с десятков вполне приемлемых объяснений, но вместе они выглядят слишком уж подозрительно.

– Рискуешь! – Орлов покачал головой. – Стасу-то ничего. Он приехал официально, всегда на виду. После нескольких смертей его трогать не станут, даже если он там что-то официально и обнаружит. А ты будешь частным лицом, к тому же склонным оставаться в тени. Тебя там запросто могут грохнуть, и спросить будет не с кого. Теперь о том, что касается твоего предложения. Очень не хочется отпускать тебя в темное индивидуальное плавание по тем криминальным местам. Тебе связь там понадобится, поддержка надежных людей. Хотя бы ночевать надо в безопасном месте, где есть гарантия утром проснуться. Чисто организационная помощь кого-то из местных тоже нужна.

– Ни в коем случае! Ты же сам говорил, что верить никому нельзя. Мы ведь не знаем, кто замешан в убийстве, кто его организовал. Виноват, их организовал, ведь в ДТП мы все верим только очень условно. Можно нарваться непосредственно на человека, замешанного в этом деле, возможна элементарная утечка информации. Тогда я мгновенно расшифровываюсь, и вся наша задумка летит в тартарары. Нет, ребята, нам нужна стопроцентная гарантия, только тогда будет успех и результат. Мы должны до деталей разобраться в том, что это были два убийства либо несчастных случая. И никаких «скорее всего», «наверняка», «с достаточной степенью уверенности». Либо твердое «да», либо не менее твердое «нет».

– Ладно, тут с тобой не поспоришь, – согласился Орлов.

- И еще третье условие! – Гуров снова строго потряс в воздухе указательным пальцем.
- Вот человек! – в сердцах бросил Орлов, встал с дивана и пошел к рабочему столу.
- Третье условие: чтобы Маша не знала, куда и зачем я поехал. Нечего ей опять за меня переживать. Это вы и сами понимаете!
- Официально ты поехал в Питер на межведомственное совещание по профилактике преступлений среди несовершеннолетних. А потом я тебя там попрошу задержаться, раз уж ты все равно на месте. Ты устроишь внезапную проверку в одном из районов Ленинградской области по части расходования денежных средств, выделяемых для оперативных целей. Такая легенда сгодится?
- Чудо, а не легенда, – согласился Гуров. – Ты настоящий чиновник, Петр. С лету такие отмазки придумываешь!

Глава 3

Гуров сел в поезд ночью и сразу завалился спать. Нет, не сделал вид, а лег и крепко уснул. Возможно, в ближайшее время он больше не будет иметь возможность провести несколько часов в безопасности и спокойно отдохнуть.

Дорожная сумка, набитая всяким хламом, создавала только видимость. Как, собственно, и внешний вид, тщательно продуманный Гуровым. При посадке в поезд на нем были приличные брюки, городские начищенные туфли и вполне солидная рубашка. Все это не очень вязалось с большой дорожной сумкой, но ночью его никто не разглядывал.

Гуров проснулся рано, в половине шестого утра, и сразу прислушался к себе и к жизни в вагоне. Сыщик чувствовал, что хорошо отдохнул, хотя открывать глаза ему не хотелось. Ничего, с этим можно и погодить.

В купе все спали, что называется, без задних ног. Молодой парень на верхней полке свесил руку, которая моталась туда-сюда, как у куклы. Тетка на соседней нижней полке сопела, как паровой свисток. Видимо, полипы в носу или сильный насморк.

А вот мужик на соседней верхней полке выдавал трели позабавнее. Он то клекотал горлом, то всхрапывал, то судорожно сглатывал так, как будто давился или задыхался. Жуткие звуки! Если постоянно спать в одной комнате с этим субъектом, то можно и придушить его от отчаяния.

Мужчина завозился, повернулся на бок и перестал храпеть. Прошло около минуты, и парень сверху с утробным стоном втянул руку под одеяло, повернулся и блаженно засопел. Заворочалась, а потом затихла женщина. Кажется, все они не спали, а только мучились, слушая эти храпы, доносящиеся сверху.

«Если мужик не храпит на боку, а он, по идее, и не должен, то теперь, под утро, все пассажиры крепко и сладко уснут, – подумал Гуров. – Что и требуется. Спасибо тебе, мужик. Только не начини снова, дай мне сделать то, что нужно».

Лев Иванович тихо поднялся и стал доставать из дорожной сумки совсем другую одежду. Джинсы, рубашку свободного стиля, летнюю куртку. Ботинки на мягкой подошве, которые скорее выглядели как кроссовки. Все остальное он аккуратно свернул и уложил назад в сумку. По карманам куртки сыщик рассовал всякую мелочь, включая складной нож и маленький светодиодный фонарик.

Теперь лицо. Влажная салфетка, смоченная косметическим молочком, лежала в отдельном пакетике. Гуров вытащил ее и стал старательно стирать с лица грим, который ему нанесли в лаборатории управления. Легкие профессиональные штрихи вчера добавили лицу Гурова лет пятнадцать возраста, сделали его каким-то угрюмым. Если утром побриться, то он помолодеет еще лет на пять. Ведь двухдневную щетину ему тоже подкрасили, затемнили ее, что заметно изменило внешность сыщика.

Пожалуй, тот человек, который вчера видел Льва Ивановича, сегодня с трудом узнал бы его в этом моложавом, крепком, спортивном мужчине. Ведь одежда тоже создает определенное впечатление о человеке.

В купе было тихо и уютно. Гуров посмотрел на часы – вполне можно подремать еще. Он снова улегся и натянул простыню до подбородка.

«Это хорошо, – размышлял Лев Иванович, погружаясь в чуткую дремоту. – Я правильно решил, что поехал первым. Если некий субъект, заинтересованный в том, чтобы преступления, совершенные в Беларуси, не были раскрыты, отслеживает ситуацию в МВД, то он обязательно узнает о выезде новых представителей в Пинск. Проведал же этот тип об офицерах Интерпола и Следственного комитета.

Ситуацию обязательно отслеживают очень внимательно!.. Как только эти господа узнают, что в Пинск отправился некто Станислав Крячко, они сразу вспомнят о его напарнике Льве Гурове и спросят себя, а где этот полковник? Ведь они с Крячко всегда работают вдвоем.

Нет, все правильно. Выехали бы мы вместе, и нас вычислили бы мгновенно. Да и меня одного тоже, если бы я выехал вторым. А так ищи меня!

Крячко поехал в Беларусь, а Гуров? В какую-то командировку, а куда именно? Предположить можно все, а знать наверняка нельзя.

Я постарался обезопасить себя. Надеюсь, что этот ход когда-то сыграет свою положительную роль».

На железнодорожном вокзале Гуров затиснул в ячейку камеры хранения свою дорожную сумку, засунул руки в карманы и с видом довольного бездельника вышел на привокзальную площадь. Полчаса блуждания по городу, которое было бессмысленным только с виду, дали ему основания полагать, что слежка за ним не ведется. Потом он поймал такси и вышел из него на Партизанском проспекте.

Потолкавшись на проспекте, для вида похаживая по магазинам, Гуров вдруг нырнул во двор между четырьмя многоэтажками и исчез. Если за ним все же кто-то следил, то этому типу пришлось бы проделать такой же маневр и выдать себя. Появился Гуров уже среди буйной ухоженной растительности сквера имени Омара Хайяма. Он обошел канал и выбрался к Восточному автовокзалу как раз в 15.20 – за десять минут до отправления автобуса Минск – Брест, который заходил в Ивацевичи.

В 15.30 сыщик уже ехал, поглядывая в окно на пейзажи, пронесившиеся мимо. За все время нахождения в Минске интереса к нему, кажется, никто не проявлял. Это обстоятельство радовало полковника Гурова.

Гуров достал свой новый мобильный телефон, который получил в управлении от технарей. Начинка его была гораздо серьезнее, чем у обычного коммуникатора. Система GPS-навигации действовала безотказно. Судя по отметке на экране, до того места, где произошло ДТП, в котором недавно погибли офицеры российской полиции, ехать оставалось минут тридцать. Точка, обозначающая самого Гурова, ползла по дороге медленно, но верно.

Гуров убедился в том, что скоро окажется в нужном месте. Дорога впереди исчезала, видимо, уже ныряла в ту самую низину. Лев Иванович поднялся с кресла, извинился перед соседкой и стал пробираться к водителю.

– Слышь, друг, останови, пожалуйста, – старательно изображая недомогание, попросил сыщик. – Тошнит меня жутко. Боюсь, весь салон тебе сейчас уделаю. Сожрал вчера чего-то не то. – При этом Гуров так натурально изобразил рвотный позыв, что водитель лихорадочно стал прижиматься к обочине и тормозить.

Сзади зашевелились любопытные пассажиры. С шипением открылась дверь автобуса, и Гуров спустился на траву, придерживаясь рукой за поручень.

Он повернул полное страданий лицо к водителю, махнул ему рукой и сказал:

– Ты езжай, а я тут в тенечке посижу, отойду маленько.

– Может, подождать? Как ты доберешься до города?

– Это не проблема! – ответил Гуров и как-то кисло улыбнулся. – Тормозну какую-нибудь попутку. Не в первый раз. Ты езжай, а то весь автобус будет смотреть, как меня выворачивает наизнанку.

– Ну, смотри, – немного нервно сказал водитель. – Телефон-то есть, если что?

– Есть-есть! Езжай, не держи людей. Из графика выбьешься.

Водитель пожал плечами, и дверь с тем же шипением закрылась. Гуров неторопливо спустился по откосу в кювет и двинулся к лесополосе, под березки. Автобус, набирая скорость, скрылся в низинке.

Все, первая часть плана была выполнена. Оглянувшись по сторонам и порадовавшись нетронутой и незагаженной природе Беларуси, Гуров пересек лесополосу и пошел краем грунтовой дороги, держась параллельно трассе.

До места аварии ему пришлось идти примерно полчаса. Когда навигатор показал, что он почти на месте, Гуров снова пересек лесополосу. Он стоял под деревьями и разглядывал местность. Впереди трасса доходила до своей низшей точки. Под дорожным полотном была видна паводковая труба.

«Слева спуск в низину длиной метров двести, справа подъем примерно такой же длины, и еще столько же машина должна проехать в самой котловине. Да, метров шестьсот открытого пространства, а все остальное за пределами видимости. Это место тоже не разглядеть со стороны прямых, ровных участков шоссе. Как специально! – Это был самый важный момент в рассуждениях Гурова. – Авария произошла случайно или же кто-то ее подстроил?

Первый вариант так вот сразу исключать нельзя. Рельеф сложный. И у огромного грузовика может что-то сломаться, если на спуске резко нажать на тормоза. Например, гидравлический шланг лопнет. Допустим, он был поврежден, изношен. Может, еще с неделю выдержал бы при обычных режимах торможения, а тут экстренное.

С другой стороны, если ты хочешь устроить аварию и не уверен в том, что со стороны все будет выглядеть естественно, то выбирать место для своей акции будешь укромное. Его-то мы тут и имеем. На всем пути от самого Минска я не видел ни единого участка трассы, столь подходящего для этого. Это раз.

Теперь второе. А что не совсем естественное нужно было скрыть от посторонних глаз, если авария спровоцирована? Наверное, то обстоятельство, что самосвал попер на встречную полосу. А еще то, что водитель выскочил из кабины самосвала до момента аварии или сразу после нее и убежал».

Гуров снова прошелся по лесополосе и осмотрел ту ее сторону, которая выходила к полям и лесу. Да, человеку нужно несколько секунд, чтобы добежать от места аварии до лесополосы. А она тут густая, с обилием кустарников. За ней его уже не видно будет со стороны дороги. А вон там уже лес. Если там его ждала машина, то концы спрятаны надежно.

Гуров вернулся к дороге и стал бродить по траве в кювете, в том самом месте, где совсем недавно стоял грузовик, расплющивший микроавтобус. Да, вот и множество мелких осколков стекла, пластмассы. Здесь же темные пятна моторного масла, технических жидкостей.

Если проследить взглядом путь от места удара на шоссе, заметного по черным полосам от резины, до кювета, в котором замерли машины, то можно представить картину аварии. Водитель микроавтобуса тянет вверх. Из-за бугра вдруг вываливается здоровенный самосвал и резко смещается на встречную полосу, прямо в лоб микроавтобусу.

Что делать? Да ты не успеешь даже ногу с педали газа убрать. Секундное дело – и удар!

Жуткое место, подумал сыщик. Наверное, потому, что оно замкнуто рельефом, давит на человека, осознающего, какая беда тут случилась. А жизнь идет своим чередом, птицы поют, люди едут на своих машинах. Многие и не знают, что тут произошло, что кто-то на этом месте убил нескольких крепких мужчин, в дома которых пришло непосильное горе. У каждого из них впереди была целая жизнь.

Гуров посмотрел за дорогу и увидел аиста, бродившего по топкой низине. Вот оно, лицо Беларуси. Бескрайние леса вперемежку с полями, озерами и болотами. С аистами в этих полях, на крышах домов в деревнях, на шестах, куда люди специально устанавливают тележные колеса. На них очень удобно вить гнезда. Жизнь продолжается.

Приглядевшись, Гуров увидел человека, сидевшего на опушке, метрах в двухстах от него. Кажется, там паслась какая-то живность. Козы, что ли.

Гуров перебежал дорогу и осторожно двинулся краем леса, выбирая места посуше. Потом ему попалась утоптанная тропинка, и он прибавил шаг. Через несколько минут сыщик

уже разглядел, что человек этот был стариком с белой бородой, в старой ватной фуфайке и зимней шапке. Он сидел на пенке, а вокруг него паслись три козы и игривый непоседа-козленок. Старик с интересом наблюдал за приближающимся незнакомцем.

– Здорово, отец! – Гуров улыбнулся как можно приветливее.

– И тебе не болеть, – бойко ответил старик.

– Вас можно порасспрашивать немного? Видно, что вы местный.

– Так спрашивай. Не заблудился случаем?

Речь у старика была слишком уж правильной для деревенского жителя, тем более коренного белоруса из сельской глубинки. Врать и изворачиваться перед старым человеком, который еще и мог оказаться вполне интеллигентным? Глупо.

– Нет, – ответил Гуров. – Не заблудился. Я специально сюда приехал. А вы всегда тут свою живность пасете?

– А трава здесь сочная да влажная. Горечи в молоко не добавляет. Оно к ней очень чувствительно.

– Издалека приходится гонять? Я вроде тут и деревень-то никаких не видел.

– Да вон, – старик махнул хвостотиной влево от себя. – И километра не будет. Мозыри называется.

– Скажите, а вы аварию видели, которая тут недавно была? Вон там на дороге столкнулись микроавтобус и большой самосвал.

– Следовательно, что ли? – спокойно поинтересовался старик.

– Нет, папаша, – Гуров покачал головой. – Я, как бы это сказать, близкий человек кое-кому из погибших. Меня очень беспокоит, что следствие могут завести не туда и виновных искать не будут. Спишут все на неисправность техники.

– Это да, – сразу согласился старик. – Такое у нас любят. Особенно если тот человек, которому такое дело поручено, ждет подношения или умишки у него не хватает разобраться. Сам не видел, но рассказывали у нас. Участковый говорил, да и шофера тоже. Вроде как несколько человек там погибли, в этой аварии. А водитель самосвала сразу и убежал с того места. Вроде испугался сильно. Оно и понятно. Такое сотворить!..

– Нашли?

– Кого, шофера? Да кто же его знает. Так и найти-то не сложно, если и убежал. Документы ведь есть на машину, знают в хозяйстве, кто выезжал, когда и куда. Тут беги куда хочешь, а все одно поймают. Да и разве убежишь от себя-то? Столько человеческих жизней на тебе!

– А что еще у вас в деревне про эту аварию говорят?

– Да разное. В нашей деревне ведь как: на одной околице сказали, на другой слышали, а за гумном переиначили. Одни говорят, что пьяный был шофер, другие – что задремал за рулем. Ну, а участковый, человек знающий, тот сказал, что удивительная она какая-то, эта авария.

– И что же он в ней удивительного нашел?

– Ну как же? Если, говорит, тормоза у грузовика не работали, так он же должен прямо и катиться. Чего его понесло на другую сторону дороги? А если задремал, по нечаянности такое совершил, в беспамятстве свернул и на автобус этот наехал, так там удар-то сильный был. Очень даже. Это же железо! А он, бедолага, как заяц сиганул в кусты, и хоть бы где чего заболело. Не бывает, говорит, так. Шофер от такого удара должен был себе ребра, даже ноги сломать, голову расшибить. А он вон как полетел.

– Может, он и повредил чего, – задумчиво сказал Гуров, глядя в сторону дороги. – Сгоряча всякое бывает с людьми.

– Это да, – быстро согласился старик. – Курица вон и без головы бежит так, что не поймашь. У меня случай был на службе. На Севере я служил, пограничником. Так у нас там беглые заключенные по тундре метались. Один на парный наряд и вышел. Ребятки его хотели без стрельбы взять, а он здоровенный оказался, одного ножом пырнул и прямо в сердце попал.

Второй тоже на себя понадеялся. Так он, беглый этот, ему живот финкой вспорол. Не пове-ришь, кишки вывалились. Но Север есть Север. Там такой холод, что и микробов никаких нет. Кишки собрали, ремнем подпоясали. Потом один другого на себе до заставы и тащил. Тот самый и нес, которому уголовник ножом до сердца достал. Выяснилось это не сразу, только в санчасти. Вот так-то. А он с раненым сердцем дружка на себе пять километров тащил.

– Значит, вы считаете, что водитель мог и раненым со страху убежать?

– Всяко в жизни бывает, мил человек, – философски заметил старик.

– Ладно. – Гуров поднялся. – Спасибо за разговор, отец. Пора мне двигаться.

– Бывай, сынок, – старик махнул прутом. – И нам пора воссояси.

Гуров пошел вниз, к дороге. Когда он дошагал до самого асфальта и обернулся, старика на опушке уже не было.

Выходит, все вокруг знают, что водитель сбежал. Старик вон считает, что он мог и ране-ный удрать, если сразу понял, что натворил, и трусоват по натуре. Но тут, как говорится, пять-десят на пятьдесят.

А если водитель не был ранен, вовремя принял меры, готовился к аварии?.. В таком случае он и не собирался драпать до Ивацевичей или Березовичей. Да и до Минска далеко. А соваться в ближайшие деревни опасно, потому что слухи об аварии скоро разлетятся по всей округе и местные жители вспомнят описание шофера.

Следует помнить и другой момент. Если все спланировано, то организаторы этой аварии, конечно же, как-то решили проблему с тем, что личность водителя самосвала установить очень легко. Значит, либо за рулем был не тот человек, имя которого значилось во всех документах, либо водителя убрали. Должен же он исчезнуть? Обязательно!

Гуров дождался, когда поток машин поредел, и перебежал шоссе. Итак, он должен уста-новить примерный маршрут движения водителя, который после аварии покинул кабину тяже-лой машины. Лев Иванович стоял на том месте, где недавно находился самосвал, и осматривал лесополосу. Получалось, что кратчайший путь к самому густому ее участку лежал под углом градусов в шестьдесят от линии шоссе.

Двигаясь и размышляя, Гуров преодолел лесополосу, потом узкий луговой участок и вошел в смешанный лес. По его теории, здесь водителя ждала машина. Значит, тут, где-то неподалеку, должна проходить дорога, пусть и проселочная, грунтовая.

Если водителя все же убили как нежелательного свидетеля, то все равно это сделали не здесь. Тело закопали в другом месте. Тут его с собаками быстро найдут, а он должен исчезнуть.

Гуров минут пятнадцать быстро петлял по лесу и наконец выбрался на небольшую полянку, вроде бы самую обыкновенную. Трава не очень высокая, редкий кустарник, две оди-нокие березки посередине. Справа молодой осинник. Слева почва песчаная. Там трава реже, и растет в основном сосняк.

Гуров стоял и осматривался. Он надеялся, что опыт и интуиция подскажут ему что-нибудь дельное. Сработал слух. Неподалеку еле слышно журчал родник. Ага, там еще и кле-новый подрост, значит, влажное место.

Продолжая осматриваться, Гуров двинулся вперед и вышел к еле заметной грунтовой дороге. Колея заросла травой, стало быть, в этом году по ней практически не ездили. А на траве какие следы?! Примялась, потом выпрямилась, и все.

Вот тут и стояла машина. Гуров присел на корточки, потому что отчетливо увидел черное масло на травинках. Он даже встал на четвереньки и понюхал его. Вот и следы колес. Здесь она разворачивалась.

На корточках, чтобы не испачкать зеленую колени, Гуров обследовал место стоянки машины. Окурков он не нашел, следов ног тоже, а ведь машина стояла тут относительно долго. Это умозаключение подтверждалось тем фактом, что на колее, оставшейся от колес этой

машины, смятая трава поднялась почти вся, а в том месте, где она стояла, почти половина стебельков сломалась. Они даже желтизной схватились.

Звук ручейка снова напомнил о себе. Если человек долго ждет и не курит, то ему трудно будет удержаться от того, чтобы не сходить к роднику и не выпить несколько глотков чистой воды. Гурова вот просто подмывало это сделать.

Ручей лениво сбегал по камням, едва заметным в густой траве, и найти его можно было только по звуку. Чуть дальше ручеек расширялся. Вода нанесла сюда изрядное количество песка. На нем-то Гуров и увидел то, что так старательно искал. Отпечаток передней части башмака. Кто мог наследить в этой глухомани?

Сыщик присел на корточки, разглядывая след. Обувь явно не для городской жизни, широкая и мягкая. Такую каждый день носят люди, которым приходится много ходить. У Гурова сейчас были ботинки примерно такого же типа.

Заметная щербина на подошве привлекла внимание Льва Ивановича. Рисунок был нарушен каким-то повреждением треугольной формы. Это обстоятельство стоило запомнить. Мало ли? Может, судьба сведет полковника с этим человеком. Тогда нелишним будет вспомнить, что он причастен к убийству нескольких человек.

Гуров достал блокнот, оторвал листок и осторожно приложил его к следу на земле. Потом он приподнял бумажку и посмотрел на еле заметный влажный отпечаток. Теперь, пока копия не высохла, ее стоило зафиксировать. Лев Иванович стал быстро обводить ручкой рисунок подошвы и щербинки на ней.

Пока не начало темнеть, Гуров отправился к шоссе ловить попутку. Солнце склонялось к вершинам сосен, из леса потянуло сыростью и пряным запахом истлевшей хвои. Надо было заканчивать с первым этапом работы.

Представление о том, что тут произошло, у Гурова появилось. Теперь надо было дополнить его фактами, установленными официальным следствием, которые должен получить Крячко по прибытии в Пинск. Несколько вопросов и заданий Станиславу уже сложились в голове Гурова. Теперь Льву Ивановичу надо было спешить в Пинск и заниматься смертью генерала. Все остальное, видимо, оказалось последствиями этого трагического события.

Из поредевшего потока машин, текущего по трассе, Гуров выбрал обычный «МАЗ»-самосвал, который шел порожняком со стороны Минска. Такая техника обычно находится в ведении специализированных организаций. Вот сейчас у сыщика и будет возможность пообщаться с водителем. Если тот остановит, значит, общительный, разговорчивый. А если молчун, то такие попутчиков и не берут.

Машина замигала правым фонарем и стала притормаживать, съезжая одним колесом на обочину. Гуров благодарно заулыбался и побежал к «МАЗу».

– Здорово, благодетель, – встав на подножку и распахнув дверь, сказал сыщик. – Далеко пилишь? Подбрось до цивилизации.

Водитель «МАЗа», молодой мужчина, у которого под рубашкой, распахнутой на груди, виднелась полосатая тельняшка, кивнул на сиденье рядом с собой.

– Что-то ты припозднился, – заметил он.

– Да дела у меня срочные в Пинске, а автобус только утром. Я в Мозырях был. – Гуров кивнул в сторону деревни, про которую ему говорил старик. – Вот и приходится надеяться на добрых людей, которые в беде путника не бросят.

Они посмеялись, поговорили о том, что сейчас времена не те. Раньше, как старые шофера рассказывают, ни один не проезжал мимо, если видел, что у кого-то сломалась машина. Всегда останавливались, предлагали помощь. А уж попутчика, голосующего у дороги, всегда подбирали. Люди, что ли, добрее были?

Такая тема показалась Гурову подходящей. Он поддержал ее и потихоньку свернул разговор на недавнюю аварию.

– Вот ведь как бывает, – с сожалением проговорил сыщик. – У человека что-то с машиной случилось, недоглядел за техническим состоянием, и на тебе. Несколько смертей. Ясно, что перетрусил и сбежал с места аварии.

– Какое там техническое состояние! – Водитель махнул рукой. – Это же с нашей базы машину угнали. Он, скорее всего, с управлением не справился на спуске, вот и вынесло его на встречу.

– Так в том самосвале точно не было вашего водителя?

– Я же говорю, что угнали у нас «Шекман». За машинами мы следим. Быть такого не может, чтобы с тормозами проблема случилась или с управлением. Милиция там дорогу перекрывала, да он, видать, уже проскочил.

– А ты в дорожной организации, наверное, работаешь, раз у вас такие огромные машины?

– Да, в Барановичах. Там у нас дорожный трест. А ты по какой части, что по деревням мотаешься без машины?

– Мотаюсь я на машине, только бензонасос спалил. У современных иномарок они ведь электрические. Чуть не уследил, что бензин кончается, и все. Вхолостую он моментально горит. А время поджигает. Вот я и оставил машину там, а сам на попутку. В Мозырях у меня дядька живет, бывший пограничник. Заезжал вот, подарок привозил – соковыжималку. Яблок у него много, так хоть не свиньям на корм, а на сок. А ты, значит, в Барановичи едешь?

– Да, друг, извини, дальше не могу. Подброшу только до Барановичей, у меня автобаза там.

– Отлично. Может, успею на электричку до Луненца, а оттуда – до Пинска.

– Последняя идет в том направлении, по-моему, около двенадцати ночи. Успеешь. Я тебя ближе к станции Антоново подвезу. Это следующая на выезде из города. Нечего тебе на вокзал ехать.

Крячко наскоро ознакомился с тем, как продвигалось дело о гибели Рыбникова в Пинске, неторопливо поговорил со следователем, оперативниками, выезжавшими на место преступления. Зевая в голос, он почитал акт вскрытия тела российского генерала.

Вопросов по возбужденному уголовному делу о ДТП на трассе, в результате которого погибли водитель микроавтобуса, начальник уголовного розыска Пинского УВД и трое полицейских из России, Станислав не задавал вообще. Спросил только, есть ли в нем какие-то сомнительные места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.